

«Человек — это достоинство любого века»

Известия Татарстана (Казань). — 1992. — 7 сент.
Гузель ТАКТАШ

Для меня нет загадки в том, что Олег Даль любим поколением «детей шестидесятых». Когда все вокруг говорят и думают штампами, а лицемерие выдают за любовь к ближнему, его небанальность, его «отдельность», искренность... Я люблю этот Дом. Его кабинет, его лица — разные, разные. Люблю и потому, что хранящие тепло этого Дома женщины, Елизавета Алексеевна Даль, вдова актера, Ольга Борисовна Эйхенбаум, теща, понимали, любили и любят, а теперь вот впустили к себе тех, кому с этой памятью легче жить.

— Есть русская пословица, которую я поняла, когда Олега не стало. «Бог не спасет, а человека пошлет» — вот это я испытываю на протяжении десяти лет. Все время приходят люди. И все, что приходит, так или иначе зацепляется и становится своими людьми.

Я была в субботу на кладбище, у могилы Олега стояла девушка с букетом гвоздик и не решалась открыть калитку. Я попросила ее зайти и положить цветы, поинтересовалась: «Вы москвичка?» Оказалось, нет, из Калуги, и в каждый свой приезд бывает здесь. «Я очень люблю этого актера», сказала она, — мне было четырнадцать лет, когда его не стало». Вот это меня поражает: те люди, что за это время появились, это молодые люди, которые так понимают и так чувствуют Олега, что я просто счастлива за него.

— Что в них общего, кроме этого понимания?

— Получается, что пропуском в жизнь Олега — через меня — является способность человека ощущать состояние «без кожи», присутствующее в каждой его роли, — обнаженность его реакций на окружающее, его ителлигентность, его тонкость...

— Лиза, давайте поговорим о вашей семье, о доме.

— Познакомились мы забавно. В шестьдесят девятом году я работала монтажером в картине «Король Лир». Шли пробы. Козинцев по совету Надежды Кошеверовой посмотрел Дalia в «Старой, старой сказке» и утвердил на роль Шута. И вот я его увидела... То есть я видела его раньше, в кино. Причем роль в фильме «Человек, который сомневается» и Женья Соболевский в «Хронике пикирующего бомбардировщика» в моем воображении не соединились — я думала, это разные актеры, оба понравились очень.

И вот Олег пришел смотреть отснятый материал — так я впервые увидела его «живьем». Он был обрит, на голове отросли короткие волосы, вытравленные в желтый цвет, худенький весь, и сияющие глаза, яркие такие. Мы поздоровались, я показала ему материал и, как потом выяснилось, меня он совершенно не запомнил.

В августе, в экспедиции, с друзьями из киногруппы я справляла день рождения. Олег оказался за столиком неподалеку и пригласил меня танцевать. Мы долго танцевали, ушли оркестранты, кто-то сел за рояль, мы танцевали еще, потом Олег исчез.

Я возвращалась в номер под утро. Вошла в холл, гостиница плохонькая была, но с пальмой, и под пальмой, на полу, загораясь проход, спал Даль. Из соображений «свой человек» стала его будить. Он, отмахиваясь, говорил: «Отойдите, это улица моя». Вмешалась дежурная: «Оставьте, бесполезно». Но я все-таки его разбудила, мы дошли до номера, он попросил меня зайти. Мы сели, не зажигая света, и Даль стал читать стихи. Был совершенно трезв. Так мы просидели, пока окончательно не рассветло.

Спустя какое-то время у нас начался серьезный роман, а в ноябре 1970 года мы зарегистрировали брак. Олег настоял на том, чтобы я не работала, хотя детей у нас не было. В результате три женщины — я и наши мамы — висели на его шее. Первые три года были самыми трудными. Олег тогда к тому же пил... Многие считали его человеком слабой воли. Ошибка невероятная! Это был очень целеустремленный, обязательный человек, поэтому пьянство ему страшно мешало в жизни, настолько это было против его натуры, его отношения к профессии, к быту.

За необыкновенную чистоплотность я прозвала его Уткой. Каждое утро он забирался в ванну. В это время я варила на кухне кашу. К приходу Олега к столу каша должна была быть совершенно определенной температуры, необжигающей и нехолодной, и передо мной вставала жуткая проблема, когда же эту кашу наливать. Стоя под дверью ванной комнаты, я кричала: «Наливать?» А он всегда отвечал: «Я свиству»... Это кажется забавным, но с кашей начинался день.

Мне казалось, Олега я знаю хорошо, но иногда вдруг понимала, что до конца не узнаю никогда. В День Победы в театре «Современник» традиционно шел спектакль «Вечно живые». Олег играл Бориса и после первого акта на сцену больше не выходил. Он пришел в ложу, сел рядом со мной. Я смотрела на сцену и вдруг краем глаза увиде-

ла, что Олег... плачет... Как же надо уметь от всего отстраняться и жить этим моментом!.. Бывали в нашей жизни неожиданные эпизоды, для меня очень дорогие, бывали страшные, потому что человек оставался полной тайной, несмотря на то, что я угадывала его мысли и желания. Но, очевидно, не только из этого состоит человек.

— Значит, «загадка Дalia», о которой говорят, она и для вас существует?

— Может, она иная, не та, о которой говорят, и я не всегда отдавала себе отчет в том, что эта загадка есть... А вообще, это ужасно, когда про любимого человека начинаешь думать, что нет в нем загадки! По-моему, здесь кончается все. Загадка должна оставаться.

У Олега всегда было достаточно оснований, чтобы быть мрачным. Спектакли, коллектив, режиссеры — масса конфликтов, это известно из дневника. Если же он видел, что и мы не улыбаемся, мгновенно все менял, силой своего актерского мастерства выпрыгивал из этого состояния и играл беспечность, не давая нам погрузиться в этот мрак, хотя сам почти постоянно пребывал в нем.

Он был вообще несовременный человек. Интеллигентен как-то... от рождения, что ли... генетический!.. Я убеждена, что косвенно, не по прямой, он связан с Владимиром Ивановичем Далем, такое редкое для нашего времени чувство языка, тонкое чувство юмора. Я все время сравнивала Олега и своего деда (Бориса Михайловича Эйхенбаума, литературоведа, историка и теоретика искусства — Г.Т.) — по какому-то высшему пониманию человеческих взаимоотношений, особенно в семье, по особой щедрости, при том, что Олег никогда не был свободен в средствах.

— Лиза, стихи, опубликованные в буклете «Олег Даль», изданном в 1989 году, написаны в основном в Монино. Что это за период вашей жизни?

— Мы жили там январь, февраль, до отъезда Олега на съемки в Киев в марте восьмидесяти первого года.

В январе нам позвонила знакомая, писательница Наталья Давыдова, и сказала, что есть возможность снять до лета дачу. Вот на этой даче Олег писал, каждый день писал. Ему сильно нездоровилось в последнее время, а в Монино чувствовал себя прекрасно, стал рано вставать.

— Там же, в Монино, было написано стихотворение «Высоцкому, брату...» Какими были отношения этих людей, Дalia и Высоцкого?

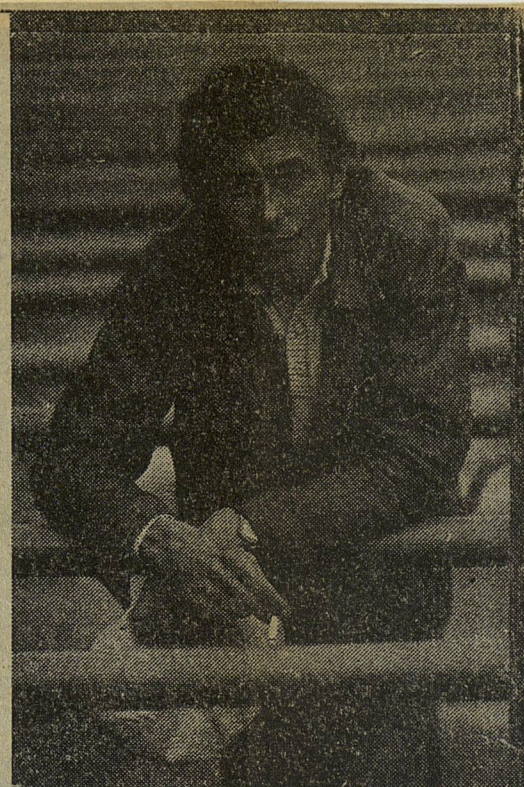
— Когда я видела их вместе, было впечатление, что они только вчера расстались, что все друг о друге знают, просто ближайшие друзья, если не братья. И в то же время они редко бывали вместе. Думаю, это не единственный пример, когда люди так похожи и такие разные. Похожие по отношению к тому, что происходит вокруг, и разные по способу существовать в этом мире. Олег был очень закрытый человек, Володя — открытый. Володя все выплескивал в стихах, у Олега набравшее оставалось внутри и в какой-то мере находило выход в сыгранных ролях.

Последняя встреча была в начале мая восьмидесятого года. Я ждала Олега из Ленинграда, но первого мая он почему-то не приехал. Позвонил Володя: «Не волнуйся, Олег у меня, не хочешь тебе показываться в таком состоянии. Через три дня все будет в порядке». Олег, вернувшись через три дня, сказал: «Я прочел его стихи, Володя очень вырос как поэт».

Когда Высоцкого не стало, для Олега это было горем огромным. Все повторял тогда: «Он меня обманул, он всех обманул». А в январе, в Монино, за завтраком сказал, что всю ночь ему снился Володя. И добавил: «Он меня так зовет». С такой вот интонацией — т-а к зовет, на что я ему ответила: «Ну ничего, Олег, подождет»... А ему оставалось... немногим больше месяца...

— Олег Иванович какое-то время преподавал во ВГИКе актерское мастерство...

— Когда я спросила, почему он за это взялся, он рассказал в ответ, что видел как-то осетрину, плавающую кверху брюхом. Рыба не смогла уйти на нерест и умерла от отравления собственной икрой. «У меня столько накопилось «икры», если не пойду на нерест, я умру. Ролей мало и не те. Я должен через что-то отдавать». И он отдавал

накопленное этим ребятам. Так что во ВГИК Олег пришел не случайно. К тому же его огорчили страшно две последние картины — «Мы смерти смотрели в лицо» и «Незванный друг».

— Но для зрителей последней работой Дalia в кино стал Зилов в «Отпуске в сентябре» по вампиловской «Утиной охоте». И не только потому, что фильм восемь лет пролежал на полке, и премьера состоялась после смерти Олега Ивановича.

— Зилов... Это целая история, начавшаяся года за два, наверное, до съемок, в Репине, в Доме творчества. Олег редко о себе говорил вслух. А тут в столовой кто-то сказал, что Мельников будет снимать «Утиную охоту», и вдруг Олег громко, на всю столовую, заявил: «В Советском Союзе есть только один артист, который может сыграть Зилова, это Олег Даль». Все. Больше к этому разговору не возвращались. Доходили слухи, что пробует один актер, другой. Я видела, как Олег мрачнеет на глазах: ну, а он-то что?.. Ну и... Число помню, потому что это был день переезда на новую квартиру, 22 июня 1978 года. Грузчики уже снесли все вниз. Последнее, что я намеревалась сделать, это отключить телефон — и вдруг он звонит! С «Ленфильма» сообщают, что Даль утвержден на роль Зилова. Говорю, Олега здесь нет, я дам номер телефона, по которому можно ему позвонить, но предупреждаю, реакция будет резкой. Скорее всего, Олег откажется. И, конечно, он отказал. И очень резко.

Через три дня Олег был дома. Я ни о чем не решалась спросить. И вдруг, спустя неделю, опять звонок. Виталий Вячеславович Мельников просит разрешения приехать, Олег говорит: «Пожалуйста». Беседовали они больше часа, после чего Олег сказал: «Через неделю уезжаем в Петрозаводск». Ему очень хотелось сыграть эту роль, хотя он знал, что как он не его актер, так Мельников не его режиссер. Оба это понимали. Приходя со съемочной площадки, Олег говорил: «Вампилов из меня вынимает все. Я совершенно опустошен. Я выкладываюсь, от меня ничего не остается».

Это парадоксально, казалось бы: роль, о которой мечтал, стала самой трудной. Во-первых, надо было в фильме Мельникова сыграть свою версию, во-вторых, по собственному признанию, с годами каждая роль давалась Олегу труднее и труднее: с возрастом стал «мешать» мозг — роль выстраивалась головой.

Однажды Вампилов, они были знакомы с Олегом, сказал, что эта роль Дalia — самая что ни на есть... Так оно и случилось.

— Лиза, в этом году Олегу Ивановичу исполнилось пятьдесят лет. Он юбилеев не любил, но люди звонят и приходят сюда не случайно.

— Сейчас нами заинтересовался Дом Высоцкого на Таганке. Если получится, как задумано, под крылом Дома будет небольшой мемориал (возможно, не совсем точное название) Олега Дalia, Геннадия Шпаликова, Александра Галича, где откроют специальный счет для перечисления средств. У меня есть надежда, что мы добьемся хотя бы полуофициального положения. И тогда моя идея такова: дважды в неделю по телефонной записи приглашать в кабинет человек десять, можно многое показать и рассказать, если Олег так интересен молодым. У меня мечта, чтобы это жило.

Что, если есть другая жизнь — вечная? И те, кто ушел отсюда молодым — там вечно молод, кто старым — вечно стар?.. Ведь почему-то хочется думать об ушедших: они ушли дальше... Там у них свой мир, непохожий на наш, а здесь, за десять лет, что их нет с нами, мы не стали лучше. Так и не услышали простую истину: «Человек — это достоинство любого века» (Олег Даль, эссе «Начало бесконечности»).